

ХАРУКИ МУРАКАМИ

1Q84 КНИГА 1
АПРЕЛЬ – ИЮНЬ

Тысяча Невестьсот
Восемьдесят Четыре

МОСКВА
2022

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
М91

Naruki Murakami
1Q84

Copyright © 2009 by Naruki Murakami

Перевод с японского *Дмитрия Коваленина*

Редактор *Максим Немцов*

Мураками, Харуки.

М91 1Q84. Тысяча Невестьсот Восемьдесят Четыре.
Кн. 1. Апрель—июнь / Харуки Мураками ; [пер.
с яп. Д. Коваленина]. — Москва : Эксмо, 2022. —
496 с.

ISBN 978-5-04-098053-6

Главная литературная сенсация нового века, «магнум опус прославленного мастера» и «обязательное чтение для любого, кто хочет разобраться в японской культуре наших дней», по выражению критиков. Действие книги происходит не столько в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году, сколько в тысяча невестьсот восемьдесят четвертом, в мире, где некоторые видят на небе две луны, где ключом к вечной любви служит Симфонияетта Яначека, где полицейских после всколыхнувшей всю страну перестрелки с сектантами вооружили автоматическими пистолетами взамен револьверов, где LittlePeople — Маленький Народец — выходят изо рта мертвой козы и плетут Воздушный Кокон.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-098053-6

© Коваленин Д.,
перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Правят Барнум и Бейли здесь,
Позолотою мир блестит,
Но если ты поверишь в меня —
Нас с тобою не проведи.*

*It's a Barnum and Bailey world
Just as phony as it can be,
But it wouldn't be make-believe
If you believed in me.*

It's Only a Paper Moon
(E. Y. Harburg and Harold Arlen)

АОМАМЭ

Не верь глазам своим

Радио в такси играло «Симфониетту» Яначека. Внутри машины, застрявшей в пробке, такое даже музыкой не назовешь. Да и водитель мало похож на человека, который все это внимательно слушает. Точно бывалый рыбак, пытающийся угадать, будет шторм или нет, таксист средних лет пристально следил за растянувшейся впереди цепочкой автомобилей. Вжавшись поглубже в заднее сиденье, Аомамэ с закрытыми глазами слушала музыку.

Интересно, сколько людей на свете, слушая первую часть «Симфониетты» Яначека, узнают в ней «Симфониетту» Яначека? Ответ здесь, пожалуй, колеблется где-то между «очень мало» и «почти нисколько». Только Аомамэ почему-то была исключением.

Эту маленькую симфонию Яначек написал в 1926 году. А вступление на фанфарах сочинял как гимн для какого-то спортивного фестиваля. Аомамэ представила Чехословакию 1926 года. Первая мировая война завершилась, многовековая тирания Габсбургов наконец-то низвержена. Люди потягивают в тавернах пльзеньское пиво, собирают крутые реальные пулеметы и наслаждаются миром, ненадолго воцарившимся в Центральной Европе. Два года назад трагически умер Кафка. Уже совсем скоро сюда зайвится Гитлер — и пожрет эту маленькую красавицу страну с потрохами. Но предвидеть надви-

гающийся кошмар, само собой, никому пока не дано. Может, главная мудрость, которой люди учатся у Истории, и заключается в горьком вопросе: «Кто же тогда мог знать, что все так обернется?» Слушая музыку, Аомамэ вообразила ветер, гуляющий по Богемскому плато, и вернулась к мировой Истории.

В 1926 году скончался император Тайсё, началась эпоха императора Сёва*. На Японию тоже надвигались мрачные времена. Легкомысленные интерлюдии модернизма и демократии промелькнули как сон, и фашизм уже стучал в двери, осведомляясь, где расквартироваться.

Мировая История была вторым коньком Аомамэ — сразу за спортивными новостями. Литература как таковая особого интереса не вызывала, но исторические тексты, попадавшие на глаза, Аомамэ читала запоем. Больше всего в Истории ей нравилось, как факты увязываются с местами и датами произошедших событий. Запомнить какую-либо дату для нее всегда было проще простого. Сами числа зубрить смысла нет. Достаточно представить, что чему явилось причиной, какие в итоге случились последствия, — и точная дата сама выскакивала перед глазами. В школе по истории Аомамэ не было равных. И когда люди жаловались, что не могут удерживать нужные даты в голове, она всегда удивлялась. Ну в самом деле, что тут сложного?

Аомамэ — Синий Горошек — вовсе не было прозвищем**. Ее род по отцу происходил из префектуры Фукусима. Говорят, где-то там, в затерянной среди гор дере-

* Эпохи правления японских императоров: Тайсё — с 1912 по 1926, Сёва — с 1926 по 1989 г. (*Здесь и далее прим. переводчика.*)

** Аомамэ (яп. «синий горошек») — разновидность фасоли. Выращивается в горных районах Японии и редко появляется на столе горожан. Чаще всего используется как ингредиент для приготовления соевого творога (тофу) или ферментированной бобовой пасты (натто).

вушке, и сейчас еще оставалось несколько человек с этой странной фамилией. Хотя сама Аомамэ ни разу там не бывала. Еще до рождения дочери отец оборвал со своими родственниками всякие связи. А мать — со своими. Так что ни бабушек, ни дедов своих Аомамэ в глаза не видала и знать не знала. Путешествовать ей доводилось нечасто, но если все-таки выпадало заночевать в каком-нибудь отеле, перед сном она непременно пролистывала телефонный справочник в поисках однофамильцев. Увы! Куда бы ее ни заносило — в мегаполис или провинциальный городишко, — никого с ее фамилией не попадалось ни разу. Так постепенно она привыкла чувствовать себя человеком, заброшенным в безбрежный океан и обреченным выплывать в одиночку.

Разъяснять, как пишется ее имя, вечно требовало кучу времени. Всякий раз, когда Аомамэ называла себя, собеседник задира л брови и озадаченно глядел на нее. «Госпожа Синий Горошек?» Да-да, уточняла она. Так и пишете: иероглиф «Синий», потом «Горошек». И на работе, знакомясь с клиентами, постоянно ощущала себя не в своей тарелке. «Огорошенные» посетители принимали ее визитку, будто некое злое послание. Когда нужно было представляться по телефону, на другом конце провода часто хихикали. В больнице или в мэрии, где бы ни окликали ее громко, все вокруг поднимали головы, желая увидеть, как выглядит человек по имени Синий Горошек.

То и дело ее называли с ошибками. «Госпожа Зеленый Горошек?» — вопрошали в трубке. «Госпожа Соленый Горошек?» «Ну, почти...» — отвечала она и поправляла. Частенько слыша в ответ: «О, какая редкая фамилия!» Тридцать лет ее жизни были ухлопаны на объяснение своего имени и защиту от нелепых шуток по поводу «Синего Горошка». Родись я под другой фамилией, думала она, может, вся моя жизнь сложилась бы иначе? Скажем,

живи я Танакой, Сато или Судзуки — глядишь, и сама была бы спокойней, и на мир вокруг смотрела бы куда снисходительнее? Кто знает...

Аомамэ закрыла глаза и погрузилась в музыку. Унисон духовых заполнил голову. Несмотря на приглушенную громкость, звук был глубоким и сочным. Приоткрыв глаза, Аомамэ взглянула на панель управления. Встроенная стереосистема гордо поблескивала черными гранями. Имени фирмы-изготовителя Аомамэ прочесть не смогла, но в том, что аппаратура солидная, можно не сомневаться. Туча непонятных кнопок, зеленые циферки на экране. С первого взгляда ясно: «хай-тек». О том, чтобы такую игрушку установили в обычном корпоративном такси, даже думать не стоит.

Аомамэ еще раз обвела взглядом салон. Садясь в машину, она думала о своем и поначалу не обратила внимания, но *эта* машина и правда выглядела необычно. Отделка салона — вне всяких похвал, сиденья — просто не встать. Плюс ко всему — идеальная тишина. Звукоизоляция высший класс, снаружи не слышно ни звука. Слово в кабинке студии звукозаписи, полностью защищенной от внешнего шума. Частное такси? Многие владельцы частных такси не жалеют денег на отделку своей машины. Аомамэ поискала глазами табличку с личными данными водителя, но не нашла. Однако и нелегальным такси не выглядит, как ни крути. Счетчик привинчен, как полагается. Вот, уже наездили 2150 иен. Найти бы еще табличку с фамилией...

— Отличная машина, — сказала Аомамэ в спину таксисту. — Такая бесшумная. Как называется?

— «Тойота!» — охотно отозвался водитель. — «Крун», королевский салон.

— Музыка очень здорово слушается.

— Верно, тихая машина. Я, собственно, за это ее и выбрал. Все-таки звукоизоляция у «тойоты» лучшая в мире!

Аомамэ кивнула. И устроилась на сиденье поудобнее. В речи таксиста чудилось что-то странное. Будто он собирался сказать куда больше, но недоговаривал. Например (кроме как «например», других аргументов у нее не нашлось): «По части звукоизоляции с “тойотой”, конечно, никто не сравнится, но есть у нее проблемы, о которых я промолчу». И пауза, повисшая вслед за этим, вобрала в себя, точно губка, всю недосказанность. Крохотное облачко смысла, не выраженного словами, дрейфовало посреди салона и никак не давало успокоиться.

— Действительно, очень тихая, — повторила Аомамэ, пытаясь отследить, куда это облачко поплывет. — Да и стерео, похоже, высший класс?

— Когда машину выбирал, нужно было на чем-то остановиться, — пояснил водитель тоном ветерана, вспоминающего историческое сражение. — В итоге решил, что, если проводишь столько времени за рулем, очень важно слушать *качественные* звуки. Ну и опять же...

Аомамэ ждала продолжения. Но его не последовало. Она снова закрыла глаза и погрузилась в музыку. Что за человек был Яначека, она не знала. Но конечно, о том, что его музыку будут слушать в «тойоте-краун ройял салон» посреди жуткой пробки на Токийском хайвэе 1984 года, он и представить себе не мог.

И все-таки, удивилась Аомамэ, откуда я помню, что это — «Симфониетта» Яначека? И почему так уверена, что ее сочинили в 1926 году? Я ведь и классикой-то особо не увлекаюсь. И Яначека специально никогда не слушала. Но как только зазвучало вступление, память вывалила целый ворох информации. Словно стая птиц ворвалась в дом через распахнутое окно. Ничего неприятного или болезненного. Просто весь организм непостижимо реагировал на эту музыку, выдавая воспоминание за воспоминанием. Ну и дела, поражалась она. С чего бы какая-то «Симфониетта» так странно влияла на меня?

— Яначек,— произнесла Аомамэ почти машинально. Почему-то вдруг показалось, что нужно сказать это вслух.

— Простите? — не понял водитель.

— Яначек. Человек, который сочинил эту музыку.

— Не слышал.

— Чешский композитор.

— Ишь ты! — с интересом отозвался водитель.

— У вас частное такси? — спросила Аомамэ, чтобы сменить тему.

— Да,— кивнул таксист. И, помолчав немного, продолжил: — Сам свой бизнес веду. Эта машина уже вторая.

— Сиденья очень уютные.

— Спасибо! Кстати, госпожа...— Водитель на секунду обернулся.— Вы сильно торопитесь?

— У меня деловая встреча на Сибуе*,— ответила она.— Вот и решила поехать по скоростной.

— Во сколько встреча?

— В полпятого.

— Сейчас три сорок пять... Боюсь, не успеете.

— Такая ужасная пробка?

— Впереди, похоже, крупная авария. Обычно здесь так не застревают. С тех пор как вы сели, мы с места почти не сдвинулись.

Странно, что он не следит за радиосводкой дорожных ситуаций, подумала Аомамэ. Токийский хайвэй, судя по всему, парализовало. Нормальный таксист, по идее, должен отслеживать по радио, где и что происходит.

— И вы это знаете, даже не слушая радио? — уточнила она.

* Сибуя — один из центральных районов Токио. Здесь и далее в главе упоминаются названия станций метро и, соответственно, административных районов японской столицы.

— Радио слушать смысла нет, — бесстрастно ответил водитель. — Половина дорожных сводок — чистое вранье. Автоинспекция сообщает только то, что удобно ей самой. Нам остается только оценивать реальную ситуацию и думать своей головой.

— То есть вы полагаете, пробка быстро не рассосется?

— Эта — надолго, — мирно кивнул таксист. — Гарантирую. Когда на кольце такой затор, пиши пропало. А что, важная встреча?

— Да, очень, — кивнула Аомамэ. — Переговоры с клиентом.

— Сочувствую. Очень жаль, но, скорее всего, не успеете.

Будто разминая затекшие плечи, таксист несколько раз покачал головой. Складки на его шее задвигались, точно у древней рептилии. Глядя на эту шею, Аомамэ вспомнила об остро заточенном инструменте у себя в сумочке. Ладони ее вспотели.

— Что же делать? — спросила она.

— Да ничего, — пожал плечами таксист. — Это же скоростная дорога. До следующего спуска никаких вариантов*. На обочине не сойдешь, на метро не пересядешь...

— И когда следующий спуск?

— На Икэдзири. Но туда мы, боюсь, доберемся уже на закате.

На закате?! Аомамэ представила, что просидит в этом такси до заката. По-прежнему играл Яначек. Оркестр пригашивал духовые сурдинами, будто пытаясь унять чьи-то напряженные до предела нервы. Странное наваждение от музыки не отпускало Аомамэ. Что же все это значит, черт побери?

* Токийский хайвэй проложен на высоте 35 м над обычной автодорогой. Его двустороннее полотно на бетонных опорах не имеет пешеходных обочин и с обеих сторон огорожено защитными стенами или металлическим забором.

Такси она поймала недалеко от парка Кинута. У станции Ёга машина поднялась на Третью Скоростную. Сначала ехали нормально, но сразу после Сэнтягаи вляпались в жуткую пробку и с тех пор не продвинулись ни на километр. По встречной из центра машины бежали как ни в чем не бывало. И только тех, кто стремился в центр, словно разбил затяжной паралич. Четвертый час дня, пробок на Третей Скоростной быть не должно. Почему Аомамэ и велела таксисту подняться сюда.

— На хайвэях плата за время не берется,— произнес таксист, глянув на отражение Аомамэ в зеркале заднего вида.— Так что о деньгах можете не беспокоиться... Но вам, как я понял, опаздывать нельзя?

— Конечно нельзя. А что, никакого выхода нет?

Водитель снова бросил взгляд в зеркало. Сквозь очки с бледно-серыми стеклами.

— Ну, не то чтобы совсем никакого... Есть один способ — я бы сказал, «аварийный». Можно спуститься вниз и добраться до станции Сибуя на электричке.

— Аварийный?

— Официально его как бы не существует.

Аомамэ, прищурившись, молча ждала продолжения.

— Вон там впереди есть немного места, чтобы прижать машину, видите? — Таксист показал пальцем куда-то вперед.— Сразу под рекламой «Esso»...

Приглядевшись, Аомамэ и вправду различила слева от дороги пустое пространство для аварийной парковки. На полотне без обочин такие карманы попадались через каждые несколько километров. Со специальными желтыми телефонами, по которым можно звонить в администрацию Токийского хайвэя. В кармане под огромным рекламным щитом не было ни души. Только тигренок «Бензина Эссо» с призывной улыбкой размахивал заправочным пистолетом.

— На самом деле там есть лесенка вниз,— продолжал таксист.— Если случится пожар или землетрясение,

все водители должны бросить свои машины и эвакуироваться по этой лесенке. Снизу до станции Сангэндзя два шага. А уж оттуда на Сибую за десять минут доберетесь.

— Никогда не слышала про пожарные выходы на хайвэях,— сказала Аомамэ.

— Да, о них мало кому известно,— кивнул таксист.

— Но разве это по правилам? Никакой ведь эвакуации не объявлено... А если поймают?

Водитель выдержал паузу.

— Кто его знает, что там за правила. В деталях я и сам не разбираюсь. Но если подумать, вреда от этого никакого. А значит, и наказания можно не опасаться. Надзора за такими объектами, как правило, не ведется. Все знают: служащих в Дорожной ассоциации пруд пруди, а как до дела доходит — вечно рук не хватает...

— И что же там за лесенка?

— Обычная пожарная. Помните, какие на старых многоэтажках сбоку приварены? Ничего опасного. Всех ступенек — этажа на три, спускаешься без проблем. Калитка на входе заперта, но ограда совсем не высокая, было бы желание — любой перелезет.

— Значит, вы уже спускались? — уточнила Аомамэ.

Таксист ничего не ответил. Только слабо улыбнулся в зеркале. Как хочешь, так и понимай.

— В общем, решайте.— Он легонько постучал в такт музыке пальцами по баранке.— Хотите провести в машине пару часов под хорошую музыку, я не против. Но если действительно спешите на важную встречу — *я бы не сказал, что выхода нет...*

Нахмурившись, Аомамэ скользнула взглядом по часам на руке. Подняла голову, огляделась. Справа громоздился черный «мицубиси-паджеро», покрытый тонким слоем белесой пыли. За рулем, скучая, курил в окно молодой парнишка. Длинноволосый, загорелый, в мали-

новой ветровке. Багажное отделение забито потертыми досками для виндсерфинга. Прямо перед ним застрял мышиный «Сааб-900». Затемненные стекла, наглухо закрытые окна. Ни малейшего шанса разглядеть, что за люди внутри. Вся машина до блеска отполирована. Встанешь рядом — можно смотреться, как в зеркало.

Перед их такси маячил красный «судзуки-альт» со вмятиной на бампере и номером округа Нэрима*. За рулем сидела молодая мать. Ее дочка лет четырех от нечего делать забралась на заднее сиденье с ногами и без остановки подпрыгивала. Оборачиваясь то и дело, измученная мамаша пыталась ее унять. Все, что она говорила, читалось по губам сквозь стекло. Та же картина, что и десять минут назад. Десять минут, за которые ничто никуда не сдвинулось.

Аомамэ собралась с мыслями. И выстроила все факты в порядке приоритетов. Долго решать не пришлось. Да и «Симфониетта» как раз подходила к концу.

Достав из сумки очки от солнца, Аомамэ нацепила их, выудила из бумажника три тысячные купюры и протянула таксисту.

— Я здесь выйду, — сказала она. — Опаздывать никак нельзя.

Водитель кивнул и взял деньги.

— Чек выписать?

— Не нужно. Сдачу оставьте себе.

— Спасибо! — улыбнулся водитель. — Ветер сильный, вы уж там поосторожнее. Смотрите не поскользнитесь.

— Постараюсь, — обещала она.

— Да, вот еще что! — добавил таксист, обращаясь к зеркалу. — Главное правило: «Все немного не так, как выглядит. Не верь глазам своим».

* Нэри́ма — административный округ в пригороде Токио.

«Все немного не так, как выглядит», — повторила про себя Аомамэ. И нахмурилась:

— Вы о чем?

— Иначе говоря, — пояснил водитель, осторожно подбирая слова, — вы сами собираетесь выйти за грань обычного хода событий. Согласитесь, *обычные* люди не спускаются с хайвэя через пожарные выходы среди бела дня. Тем более женщины...

— Да уж, — согласилась Аомамэ.

— А поэтому, — продолжал таксист, — все, что случится дальше, будет выглядеть *чуть-чуть не так, как обычно*. У меня уже есть такой опыт, я знаю. Главное — не верь глазам своим. Настоящая реальность только одна, и точка.

Аомамэ озадаченно замолчала, пытаясь переварить услышанное. Тем временем оркестр отыграл «Симфониетту», зал взорвался овациями. Это была запись живого концерта. Яростные аплодисменты не смолкали. То и дело слышались крики «браво!». Перед глазами Аомамэ проплыл сияющий лик дирижера, отвечающего перед публикой поклон за поклоном. Вот он поднимает голову, жмет руку концертмейстеру, вот оборачивается, воздевает к небу ладони, приветствуя оркестр, — и, вновь повернувшись к публике, сгибается в очередном поклоне. Когда слушаешь долгие аплодисменты не в жизни, а в записи, постепенно перестаешь воспринимать их как аплодисменты. И потом уже слышишь только шелест бесконечной песчаной бури на каком-нибудь Марсе.

— Реальность только одна. Всегда. Что бы с тобой ни происходило, — медленно, словно подчеркивая в тексте важную мысль, повторил водитель.

— Действительно, — согласилась Аомамэ.

А как же еще? Один объект может существовать только в одном месте и лишь в одном отрезке времени. Эйн-